Свободный полетъ на воздушномъ шарѣ.

N'importe! Ayons foi! Tout s'agite,
Comme au fond d'un songe effrayant.
Tout va et court, et l'homme quitte
L'ancien rivage âpre et fuyant!

Victor Hugo.

I.

Среди облаковъ.

Было сѣрое, осеннее, туманное, петербургское утро, и дулъ сильный вѣтеръ съ сѣвера.

Мы съ Ксаной снова первые явились на газовый заводъ. Черезъ полчаса пріѣхалъ туда капитанъ Гебауеръ, и тутъ я узналъ, что пилотомъ на этотъ разъ назначенъ именно онъ. Затѣмъ явился и второй нашъ спутникъ Д. М. Фритцъ.

— Вы согласны летѣть всю ночь, пока хватитъ газа? — спросилъ я его.

— Согласенъ,—отвѣтилъ Фритцъ.

Но капитанъ запротестовалъ.

— Летѣть на дальность въ этотъ разъ я не могу,—сказалъ онъ.— Мнѣ надо перваго ноября сдать отчетъ. Пробьемся сквозь тучи вверхъ на солнце, пролетимъ въ высоту, сколько хватитъ подъемной силы шара, и затѣмъ спустимся до наступленья вечера гдѣ-нибудь не такъ далеко, чтобы поспѣть въ Петербургъ ночью.

Дѣлать было нечего. Пришлось согласиться.

Пріѣхавшая команда воздухоплавательнаго парка принялась за надуванье „Треугольника“, какъ назывался нашъ аэростатъ, газомъ.

Къ часу дня все было готово, мы простились съ сопровождавшими насъ друзьями и вошли въ корзину. Неутомимый фотографъ Булла уже прислалъ на мѣсто полета своего сына съ фотографическимъ приборомъ, и мы были моментально сняты два раза.

Мы распредѣлили между собою обязанности. Гебауеръ, какъ пилотъ, получившій шаръ на свою отвѣтственность, принялъ общее руководство

и наблюденія за барографомъ и барометромъ-анероидомъ, привѣшенными на оснасткѣ передъ корзиной аэростата и показывающими высоту подъема. Фритцъ долженъ былъ помогать капитану по выбрасыванью балласта и открыванью клапановъ. А мнѣ досталось дѣлать наблюденія за окружающимъ и записывать всѣ обстоятельства путешествія въ лоцманскую книжку.

Итакъ, наконецъ, полетимъ! Правда, сильный, порывистый вѣтеръ грозилъ унести насъ въ мало населенныя болотистыя мѣстности и лѣса удѣльнаго вѣдомства, простирающіеся на полтораста верстъ къ югу отъ Петербурга, и безпросвѣтныя облака должны были лежать, по свѣдѣніямъ петербургской метеорологической обсерваторіи, по крайней мѣрѣ двумя сплошными слоями почти надъ всей сѣверной Россіей. Но зато погода была довольно мягкая, и разница въ температурѣ внизу и наверху не должна была быть особенно велика, не то что лѣтомъ, когда у поверхности земли жарко даже въ легкомъ платьѣ, а вверху надо надѣвать шубу...

Въ пять минутъ второго нашъ шаръ былъ, наконецъ, выпущенъ державшей его командой на произволъ вѣтра. Земля со всѣми нашими друзьями, махавшими намъ своими платками, быстро опустилась внизъ.

Корзина, гдѣ мы стояли, перелетѣла черезъ крышу огораживавшаго дворъ сарая, и насъ понесло прямо на находившіяся къ югу высокія заводскія трубы. Гебауеръ быстро выбросилъ нѣсколько совковъ песку изъ мѣшка съ балластомъ, и трубы, все понижаясь, скоро сошли своими вершинами ниже уровня горизонта—знакъ, что мы уже взлетѣли выше нихъ. Вдали какъ на картѣ раскинулись Финскій заливъ и устье Невы съ ея низкими островами, внизу протянулись улицы и крыши петербургскихъ домовъ...

Я хотѣлъ повернуться назадъ, чтобы еще разъ махнуть платкомъ нашимъ провожатымъ на дворикѣ газоваго завода, казавшемся теперь маленькимъ, какъ клѣтка, но почти въ ту же минуту мы вошли въ нижній слой облаковъ, и всю земную поверхность стало быстро заволакивать бѣлымъ туманомъ. Черезъ нѣсколько мгновеній въ этомъ туманѣ расплылись всѣ очертанья земной поверхности, удалившейся въ глубину.

Мы поплыли какъ въ первобытномъ хаосѣ, изъ котораго когда-то произошли міры.

Я переписываю здѣсь изъ находившейся у меня лоцманской книжки свои краткія замѣтки совершенно въ томъ видѣ, какъ онѣ были занесены въ нее въ окружавшемъ насъ молочномъ морѣ, присоединяя къ этимъ замѣткамъ въ скобкахъ и тѣ мысли и впечатлѣнія, для которыхъ нехватало мѣста на немногихъ листкахъ книжки. Я думаю, что это дастъ болѣе отчетливое представленіе о характерѣ такихъ полетовъ, чѣмъ литературно обработанный разсказъ.

1 ч. 5 м. 31 окт. 1910. Начало взлета.

1 ч. 6 м. Въ облакахъ.

1 ч. 12 м. Взлетъ конченъ въ облакахъ на 700 метровъ (т.-е. шаръ остановился, и для дальнѣйшаго подъема надо было выбрасывать балластъ—песокъ, спеціально заготовленный въ 20 мѣшкахъ на днѣ корзины, каждый мѣшокъ по пуду.)

1 ч. 17 м. Конченъ 1-й мѣшокъ балласта на 850 метр. высоты.

1 ч. 20 м. Слышенъ шумъ поѣзда внизу подъ облаками.

1 ч. 21 м. Высота 875 метровъ. Вышли изъ перваго слоя облаковъ и летимъ подъ вторымъ, лежащимъ высоко надъ нами. Виденъ легкій просвѣтъ въ окружающемъ насъ молочно-бѣломъ туманѣ къ юго-западу.

1 ч. 23 м. Шумъ города едва слышенъ съ сѣвера.

1 ч. 39 м. Выпущенъ гайдропъ (т.-е. канатъ метровъ въ 70, вѣсомъ въ полтора пуда. При спускѣ шара онъ первый падаетъ какъ балластъ на землю и потомъ волочится по ней, замедляя паденіе и горизонтальную скорость). На сѣверѣ показались въ туманѣ надъ поверхностью нижнихъ облаковъ синеватыя прослойки, а на югѣ золотистыя, какъ будто вечерняя заря занялась надъ снѣжной равниной въ сумеркахъ. Звуки города почти прекратились.

1 ч. 45 м. Полная тишина. Ни звука.

1 ч. 51 м. Конченъ 3-й мѣшокъ балласта. Лай собакъ внизу. Слышенъ поѣздъ.

2 ч. 11 м. Ясный лай нѣсколькихъ собакъ внизу подъ облакомъ. Вѣрно, летимъ надъ деревней. Вышина 1100 метровъ.

2 ч. 16 м. Рѣшили пробиться сквозь верхній слой облаковъ на солнце. 4-й мѣшокъ высыпали почти сразу, и тотчасъ поднялись на 1150 метровъ, почувствовавъ съ запада маленькій вѣтерокъ (вслѣдствіе новаго направленія воздушнаго теченія въ высотѣ).

2 ч. 20 м. Конченъ 5-й мѣшокъ. Снова слышенъ шумъ поѣзда.

2 ч. 24 м. 6-й мѣшокъ.

2 ч. 25 м. 7-й мѣшокъ.

2 ч. 35 м. На высотѣ 1,950 метровъ.

2 м. 35 м. На высотѣ 2,360 метровъ. Кругомъ летаютъ мельчайшія рѣдкія снѣжинки.

2 ч. 37 м. 8-й мѣшокъ.

2 ч. 45 м. 9-й мѣшокъ. Снова попали въ мельчайшія рѣдкія летающія снѣжинки. Нижній слой облаковъ глубоко, версты на полторы внизу. Какъ будто небо обернулось вверхъ дномъ. Высота 2,770 метровъ.

2 ч. 47 м. Шумъ поѣзда внизу съ востока. Вверху облака и внизу облака. 10-й мѣшокъ.

2 ч. 54 м. Вошли въ верхній слой облаковъ.

3 ч. Высота 3,200 метровъ (болѣе трехъ верстъ). Въ виду необходимости остатковъ балласта при спускѣ рѣшили больше не подниматься. (Стали ѣсть положенные мнѣ въ карманъ Ксаной шоколадъ и мятные пряники). Легкій морозъ. Песокъ въ мѣшкахъ замерзъ.

3 ч. 8 м. Спустились изъ верхняго слоя облаковъ. Опять очутились среди летающихъ мелкихъ снѣжинокъ.

3 ч. 16 м. Первый разъ открыли клапанъ на высотѣ 2,200 метровъ. Сильный шумъ выдѣлившагося газа.

3 ч. 18 м. Два раза открывали клапанъ, чтобы ускорить свое паденье. Опять красноватыя полосы на юго-западной сторонѣ неба. Въ нижнихъ облакахъ, похожихъ на снѣжную равнину съ отлогими холмами и долинами, видны кое-гдѣ узорныя синеватыя проталинки, какъ въ тающемъ весною снѣгѣ.

3 ч. 26. Скорость нашего паденія достигла 1,1 метра (полсажени) въ секунду.

3 ч. 30 м. Спустились на 2,000 метровъ.

3 ч. 31 м. Скорость паденія увеличилась до 1,8 метра въ секунду. Выброшенная толстая бумажка не поспѣваетъ за нами. Еще яснѣе нѣжныя голубыя проталинки въ слоѣ облаковъ подъ нами. Въ ушахъ впервые чувствуется легкій звонъ отъ быстраго увеличенія давленія воздуха. Нѣсколько разъ проглотилъ воздухъ, и шумъ прекратился.

3 ч. 35 м. На высотѣ 1,400 метровъ. Чудные облачные ландшафты.

3 ч. 44 м. Спустились на 1,000 метровъ. Самые нѣжные розовые, синеватые и голубоватые оттѣнки на горизонтѣ среди двухъ слоевъ облаковъ.

3 ч. 46 м. Плывемъ на облакахъ. (Облачные пары выдѣляютъ теплоту и потому, падая сверху на облако, шаръ расширяется и какъ лодка плыветъ надъ ихъ поверхностью.) Открывали подолгу клапанъ два раза, чтобы опуститься въ глубину облачнаго слоя. Часть газа вышла съ шипѣньемъ, но спуска все нѣтъ.

3 ч. 48 м. Открыли клапанъ третій разъ и начали снова опускаться.

3 ч. 52 м. Спустились на высоту 850 метровъ. Вновь открыли клапанъ.

3 ч. 55 м. Въ первый разъ, на высотѣ 660 метровъ, увидѣли подъ собой сквозь дымку облаковъ лѣса и болота.

Здѣсь окончились мои записи въ лоцманской книжкѣ. Дальше продолжать было нельзя, такъ какъ все наше вниманіе сосредоточилось на выборѣ удобнаго мѣста для спуска и на розыскахъ какого-нибудь выдающагося пункта, села или рѣчки, чтобы можно было узнать по картѣ, гдѣ мы находимся. Летая все время между облаками, мы могли только приблизительно гадать о мѣстѣ своего пребыванія.

Но кругомъ насъ въ спускающихся ноябрьскихъ сумеркахъ ничего

не было видно, кромѣ безконечныхъ дремучихъ лѣсовъ и торфяныхъ болотъ. Ни единаго человѣческаго жилья, ни единаго обработаннаго поля! Повсюду, куда только достигалъ глазъ съ этой высоты, однѣ мелкія крапинки кустарниковъ въ низинахъ болотъ и щетинящіяся вершины огромныхъ вѣковыхъ деревьевъ на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ. Темными пятнами выдѣлялись лѣса на бѣломъ покровѣ снѣга, засыпавшаго всю землю и закрывавшаго отъ насъ не очень глубокія мѣста болотъ. Никто бы не повѣрилъ, что въ какой-нибудь сотнѣ верстъ къ югу отъ Петербурга находятся такія необитаемыя пространства! Какъ будто мы попали въ какой-то новый невѣдомый міръ, куда-нибудь въ сибирскую тайгу!

— Это должны быть казенные лѣса, тянущіеся на полтораста верстъ въ длину въ южномъ направленіи около рѣки Луги,—сказалъ Гебауеръ, смотря на карту.

Я тоже взглянулъ на карту и убѣдился, что и на ней здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ лѣсовъ и болотъ.

А между тѣмъ шаръ, проскочивъ сквозь облако въ болѣе холодный нижній слой воздуха, сталъ падать все скорѣе и скорѣе. Черезъ какую-нибудь минуту или двѣ мы очутились уже не выше, какъ на полтораста метровъ надъ пятнистой поверхностью щетинившагося подъ нами густого лѣса.

Гебауеръ выбросилъ сразу полный мѣшокъ балласту, и шаръ опять поднялся въ низко летѣвшія облака и, расширившись отъ ихъ теплоты, полетѣлъ вверхъ на ихъ поверхность. Фритцъ опять открылъ клапанъ два раза, и аэростатъ снова началъ падать. Мы вновь увидѣли сквозь туманъ поверхность земли и начали быстро спускаться къ ней. Какъ-то сами собой распредѣлились наши роли. Фритцъ стоялъ у клапана и разрывного приспособленія шара. Я съ компасомъ въ рукахъ опредѣлялъ по движеніямъ конца гайдропа вдоль земной поверхности направленіе нашего полета, чтобы заранѣе указать удобное мѣсто для спуска.

По скорости мчавшихся подъ нами кустарниковъ можно было видѣть, что мы летимъ къ юго-западу очень быстро, не менѣе 25 верстъ въ часъ.

У насъ теперь осталось только 4 мѣшка балласту и улетѣть съ ними очень далеко было невозможно. Надо было пользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для спуска, такъ какъ съ каждой минутой сумерки дѣлались все темнѣе и темнѣе. Вдали на западѣ показалась деревушка, засыпанная снѣгомъ. Мы вновь открыли клапанъ, но густой лѣсъ помѣшалъ намъ спуститься, а на нашъ окрикъ никто не отвѣтилъ. Потомъ показалась въ лѣсу какъ будто избушка лѣсничаго и даже огонекъ былъ виденъ въ окнѣ, но и тутъ мы должны были попасть или

на густой лѣсъ, или въ сосѣднее болото. Гайдропъ волочился по вершинамъ деревьевъ. Пришлось снова выбросить полмѣшка балласту и обратно взлетѣть подъ облака. Такъ мы и неслись на югъ зигзагами то вверхъ, то внизъ, то въ облака, то на деревья, а мѣстность становилась все глуше и глуше. Уже наступала ночь, а вдали передъ нами до самаго горизонта все гуще и гуще тѣснились вершины елей и сосенъ, а всѣ болотистыя полянки и прогалинки, на которыя мы могли бы спуститься, проносились не подъ нами, а то направо, то налѣво.

Наконецъ, въ одномъ изъ мѣстъ съ болѣе рѣдкимъ лѣсомъ, когда гайдропъ сталъ снова волочиться по вершинамъ деревьевъ, Гебауеръ скомандовалъ Фритцу открыть клапанъ, и наша быстро опустившаяся корзина вдругъ врѣзалась въ вершину огромной вѣковой сосны. Мы всѣ крѣпко ухватились за веревки. Шаръ, запутавшись своей сѣткой въ вѣтвяхъ дерева, сдѣлалъ съ размаху полукругъ и, попавъ на сосѣднюю такую же вершину въ нѣсколькихъ метрахъ отъ первой, повисъ на высотѣ 8 саженъ между двумя огромными соснами.

— Тяните разрывную ленту!—крикнулъ Гебауеръ.

Фритцъ повисъ на ней всѣмъ своимъ тѣломъ, но шаръ туго поддавался его усиліямъ, и мы съ Гебауеромъ тоже потянули красную ленту изо всѣхъ силъ, раскрывая вверху аэростатъ все болѣе и болѣе. Газъ уходилъ со свистомъ, и шаръ, вытягиваясь, какъ груша, началъ постепенно приближаться своей нижней частью къ земной поверхности. Вотъ наша корзина коснулась снѣгового покрова, и мы одинъ за другимъ вылѣзли на родную землю, какъ будто пришли въ гавань послѣ морского путешествія...

II.

Ночь въ глухомъ лѣсу.

Мягкая торфяная почва подавалась подъ нашими ногами, но слѣды сапогъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наполнялись водой. Значитъ, мѣсто попалось довольно сухое. Вѣтеръ, несшійся надъ вершинами, почти не проникалъ въ лѣсную глушь, и внизу было совершенно тихо.

Нѣсколько минутъ мы прислушивались, но кругомъ ничего не было слышно, кромѣ глухого шума сосновыхъ вершинъ. Необходимо было что-нибудь сейчасъ же предпринять. Съ утра мы ничего не пили, такъ какъ было безполезно брать съ собою воду, которая все равно замерзла бы наверху. Изъ съѣстного у насъ были только жареная курица, сухари въ бумажномъ пакетѣ и шесть маленькихъ котлетъ, которыя уговорила меня взять Ксана на всякій случай, но намъ троимъ хватило бы ихъ лишь на день. А между тѣмъ мѣстность носила такой характеръ, что мы легко могли не добраться до человѣческаго жилья и въ

нѣсколько дней. Вѣдь эти казенные лѣса, занимавшіе сотни квадратныхъ верстъ, были до сихъ поръ только наслѣдственнымъ владѣніемъ лосей да медвѣдей.

— Пойдемте всѣ трое по компасу къ сѣверо-западу,—предложилъ я.

Тамъ было всего больше прогалинъ въ лѣсу, да и домикъ лѣсника мы видѣли въ томъ же направленіи, хотя, можетъ быть, и отлетѣли отъ него верстъ на двадцать.

— Нѣтъ, идите вы двое,—сказалъ Гебауеръ,—а я буду здѣсь сторожить шаръ и инструменты; ихъ сдали на мою отвѣтственность. Какъ только доберетесь до какой-нибудь деревни, обратитесь къ первому десятскому, старостѣ или уряднику и потребуйте у нихъ за хорошее вознагражденіе человѣкъ тридцать народу для выноса шара, а въ случаѣ нежеланія объясните, что деревенскія власти обязаны оказывать содѣйствіе при уборкѣ аэростатовъ.

— Но въ такомъ случаѣ вашъ офицерскій мундиръ принесетъ несравненно больше пользы,—возразилъ я.—Разъ аэростатъ необходимо стеречь ночью, то лучше останусь я.

Гебауеръ возразилъ, что мнѣ придется провести одному всю ночь до утра, а можетъ быть, и долѣе, такъ какъ раньше окончанія темноты ничего нельзя будетъ сдѣлать даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Я настаивалъ на своемъ, и такъ какъ справедливость моихъ словъ нельзя было не признать, то ему пришлось уступить.

— Есть у васъ огнестрѣльное оружіе?—спросилъ онъ.

— Ничего, кромѣ финскаго ножа, который вы мнѣ дали передъ началомъ полета на случай необходимости рѣзать веревки.

— У меня есть карманный револьверъ,—замѣтилъ Фритцъ.

— И у меня тоже,—сказалъ Гебауеръ.

— Значитъ, оставьте мнѣ одинъ!

И я взялъ револьверъ у Фритца.

Они хотѣли дать мнѣ еще одинъ изъ двухъ своихъ электрическихъ фонарей, но я рѣшительно отказался, такъ какъ оба фонаря были имъ нужнѣе въ дорогѣ.

Черезъ минуту мы простились, и я видѣлъ, какъ они направились по компасу къ югу, по временамъ освѣщая дорогу вспышками своихъ фонариковъ. У меня былъ свой компасъ, и я не боялся закружиться въ лѣсу, если они не вернутся слѣдующимъ утромъ, и мнѣ придется самому искать дорогу.

Я понималъ, что надежды на ихъ возвращеніе даже и слѣдующимъ утромъ было мало. Если ночью подымется метель и замететъ ихъ слѣды, они совсѣмъ могутъ меня не найти, пройдя въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ вправо или влѣво. Если попадутъ въ болото, то въ своихъ валеныхъ сапогахъ они могутъ промочить ноги и потомъ отморозятъ себѣ пальцы. Надо сидѣть смирно въ корзинѣ, чтобы сберечь на случай нужды хоть свои!

Я влѣзъ въ корзину, попробовалъ подниматься изъ нея на оснастку шара въ случаѣ нападенія волковъ или медвѣдя и, убѣдившись, что при нуждѣ это возможно, снова опустился на дно и удобнѣе расположился, чтобы сохранить всѣ свои силы.

Часъ проходилъ за часомъ въ одиночествѣ и въ темнотѣ подъ деревьями. Изъ глубины лѣса не подымалось ни одного звука, кромѣ шума вѣтра въ вершинахъ, да изрѣдка падающаго съ вѣтвей комка снѣга или рѣзкаго треска отдаленнаго дерева, у котораго стали замерзать соки. По временамъ шаръ, висѣвшій надо мною, начиналъ покачиваться подъ мимолетный порывъ завернувшаго въ лѣсную глубину вѣтра и шуршалъ, благодаря своему тренію о вѣтви, какъ будто его кто-то дергалъ сзади. Иллюзія подергиванія была иногда такъ сильна, что нѣсколько разъ я приподнимался изъ своей корзины, чтобъ заглянуть съ револьверомъ въ рукѣ по направленію къ обратной сторонѣ висящаго аэростата. Но тамъ, да и вообще кругомъ въ чащѣ, не было слышно или видно никакого живого существа. Часамъ къ десяти вечера даже и вѣтеръ совершенно стихъ, и наступила та глубокая, мертвая тишина въ природѣ, которой не въ силахъ представить себѣ тотъ, кто никогда не бывалъ одинъ зимой въ глубинѣ хвойнаго лѣса. Тишина, о которой писалъ Некрасовъ въ своей поэмѣ „Морозъ-Красный носъ“, когда замерзала Дарья:

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
Какимъ окружаетъ насъ лѣсъ,
Недвижно, безтрепетно стоя,
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.
Ни звука! Душа умираетъ
Для жизни, для міра. Стоишь
И чувствуешь: вотъ поглощаетъ
Тебя эта мертвая тишь...

Мнѣ вспомнилась эта поэма. Вспомнились оба товарища по полету, ушедшіе куда-то въ полузамерзшія торфяныя болота, и я рѣшилъ, что если завтра къ десяти часамъ они не вернутся, то я, считая ихъ путь на сѣверъ безнадежнымъ, пойду по компасу по другому направленію, къ востоку, откуда разъ мнѣ послышался какъ будто отдаленный свистъ локомотива. Свистъ былъ такъ слабъ, что шелъ верстъ изъ-за двадцати или болѣе, если не былъ обманомъ слуха. Но и безъ него, казалось мнѣ, вѣрнѣе было итти по этому направленію, такъ какъ съ сѣвера на югъ идутъ отъ Петербурга нѣсколько желѣзнодорожныхъ линій, и въ концѣ-концовъ, если не окажется на моемъ пути непроходимыхъ болотъ или рѣкъ, то мнѣ будетъ возможно наткнуться на одну изъ этихъ

дорогъ и тогда я приведу по компасу людей на лыжахъ для спасенія товарищей и аэростата.

А между тѣмъ ночь становилась все темнѣе и темнѣе. Уже болѣе семи часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ушли Гебауеръ и Фритцъ. Я нѣсколько разъ дремалъ, нѣсколько разъ старался себѣ представить, что дѣлается у меня дома. Вѣрно, Ксанѣ и въ голову не приходитъ, что я сижу теперь въ корзинѣ подъ висящимъ между двухъ сосенъ воздушнымъ шаромъ, въ дремучемъ лѣсу, среди непроходимыхъ торфяныхъ болотъ! Да это и хорошо, что не представляетъ. Всетаки много шансовъ, что завтра я выберусь такъ или иначе! Только не было бы метели!

Я взглянулъ вверхъ. Сплошныя облака покрывали все небо, и только въ одномъ мѣстѣ ихъ слой слегка разошелся на минуту, и на меня взглянули двѣ звѣздочки: одна большая и другая значительно выше и меньше. По мѣсту на небѣ и полуночному времени я догадался, что первая была Арктуръ, вечерняя звѣзда лѣтнихъ дней и ночная зимнихъ, а вторая одна изъ семи звѣздъ Большой Медвѣдицы. Но черезъ нѣсколько секундъ и онѣ исчезли.

Я вновь притаился въ корзинѣ и задремалъ, прислонивъ голову къ ея прутьямъ. Былъ уже первый часъ ночи, и въ лѣсу господствовала мертвая тишина. Вдругъ откуда-то издалека послышался человѣческій голосъ.

— О-го!

— О-го!—радостно отвѣтилъ я ему, привставъ въ своей корзинѣ.

Желая убѣдиться, что и меня слышатъ, я повторилъ свой окрикъ снова. Мнѣ отвѣтили на него, и я узналъ голосъ Гебауера.

„Какъ скоро они нашли жилье!—подумалъ я.—Вѣрно, отыскали лѣсника и идутъ взять меня къ нему въ домъ!“

Нѣсколько разъ повторялась наша перекличка, и меня удивляло только одно: почему они приближаются такъ медленно? Прошло уже болѣе четверти часа, и всетаки никого не видно... Вѣрно, везутъ за собой сани для уборки аэростата и прочищаютъ въ лѣсу дорогу!

Но вотъ изъ чащи лѣса показалась одна шатающаяся тѣнь, а за ней другая, и обѣ тутъ же упали въ снѣгъ подъ деревомъ.

— Ничего не нашли,—сказалъ Гебауеръ.—Пройдя версты двѣ, наткнулись на человѣческій слѣдъ, шедшій поперекъ, и пошли по нему вправо. Но онъ завелъ насъ въ болото, потомъ перемѣшался со слѣдами лося, и мы догадались, что это былъ охотникъ, кружившійся за лосемъ въ болотѣ. Дайте мнѣ отдохнуть. Мы такъ измучились въ концѣ этого восьмичасового пути по кочкамъ и болотамъ, что падали черезъ каждые нѣсколько шаговъ. Выньте намъ только брезентъ для подстилки: на снѣгу холодно.

Я вытащилъ имъ брезентъ и разостлалъ поблизости. На мое предложеніе войти въ корзину оба наотрѣзъ отказались, да имъ теперь и трудно было бы даже перешагнуть черезъ ея высокій край. Фритцъ лежалъ на мѣстѣ, какъ убитый. Отъ усталости послѣ такой долгой ходьбы по болотамъ безъ всякой пищи онъ былъ въ полномъ изнеможеніи. Валеные сапоги обоихъ были покрыты толстымъ слоемъ льда отъ проваловъ сквозь снѣгъ въ воду.

Я предложилъ имъ глотнуть изъ бутылки коньяку, которымъ заботливо снабдила меня Ксана на случай холода. Оба отпили. Потомъ съѣли по маленькой котлеткѣ изъ того же скуднаго запаса нашей провизіи.

— Промочили ноги?

— Да!—отвѣтилъ Фритцъ.

Гебауеръ промочилъ тоже.

„Навѣрно, отморозятъ себѣ пальцы къ утру,—подумалъ я,—и не въ состояніи будутъ встать. Надо хоть мнѣ беречь свои ноги, теперь одна надежда на нихъ. Этотъ найденный ими слѣдъ долженъ быть руководящей нитью для меня. Если завтра не занесетъ его метель, пойду по нему, но въ противоположную сторону, чѣмъ они, и не отстану, пока не дойду до мѣста, откуда этотъ охотникъ пришелъ. Идя по его шагамъ, я не попаду, по крайней мѣрѣ, въ непролазныя топи. Это лучше, чѣмъ итти наудачу, хотя бы и по прямому направленію“.

Гебауеръ наконецъ пошевелился и обернулся ко мнѣ.

— Какъ только отдохну немного, соберу сухого дерева и тогда разложимъ костеръ и согрѣемъ ноги,—сказалъ онъ.—Вы не озябли? Сидите лучше въ корзинѣ!

Но мысль о кострѣ показалась мнѣ спасительной для насъ всѣхъ. Я взялъ изъ корзины топоръ и пошелъ рубить и ломать руками мелкія сухія деревья, которыхъ было достаточно въ этомъ глухомъ лѣсу. Черезъ нѣсколько минутъ я наложилъ изъ нихъ небольшой костеръ и позвалъ Гебауера, у котораго была коробка со спичками, зажигать его.

Но спички тухли одна за другой, не успѣвая зажечь вѣтвей. Я снова побѣжалъ къ корзинѣ и досталъ оттуда единственную бумагу, которой можно было пожертвовать—планъ Петербурга, принадлежавшую, кажется, Фритцу, и предложилъ его въ качествѣ растопки. Это помогло, и вѣтки наконецъ загорѣлись.

Оба мои спутника улеглись у костра, а я снова сѣлъ въ своей корзинѣ. Алый отблескъ огня въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ аэростата (чтобы не взорвало газа отъ слишкомъ близкаго сосѣдства) падалъ, мерцая, на его поверхность, и отчетливо вырисовывалась на ней сѣтчатая тѣнь его оснастки. По временамъ красный отблескъ уменьшался, костеръ, очевидно, готовъ былъ угаснуть, но Гебауеръ каждый разъ вставалъ и подновлялъ его.

Часамъ къ пяти утра, когда я вдругъ проснулся послѣ небольшой дремоты, я увидѣлъ, по отсутствію отблеска на аэростатѣ, что костеръ почти совсѣмъ потухъ. Я окликнулъ товарищей. Оказалось, что и они оба заснули. Выскочивъ изъ корзины, я вновь помогъ Гебауеру собрать сухихъ вѣтвей и подновить огонь и послѣ этого, наконецъ, впалъ въ забытье и самъ.

Когда я вновь проснулся, отблеска костра уже совсѣмъ не было на поверхности шара, но зато явно начинался разсвѣтъ. Я въ первый разъ могъ замѣтить ясно стрѣлку своихъ часовъ, и она приближалась къ семи. Гебауеръ и Фритцъ тоже уже проснулись.

— Отморозили ноги?—съ безпокойствомъ спросилъ я ихъ.

— Нѣтъ!—отвѣчаютъ оба.—У костра отогрѣли!

И какъ этотъ отвѣтъ радостно прозвучалъ въ моихъ ушахъ!

Мы снова съѣли по маленькой котлеткѣ, раздѣлили на три части послѣднюю булку и по единогласному рѣшенію отправились обратно на охотничій слѣдъ, чтобъ итти по нему до его конца въ противоположную сторону.

На этотъ разъ даже Гебауеръ рѣшился оставить аэростатъ безъ часового, такъ какъ было ясно, что его никто не найдетъ въ этой чащѣ, хотя бы онъ висѣлъ тутъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Да и сами мы должны были тщательно замѣчать дорогу, чтобъ имѣть возможность возвратиться на то же мѣсто, если метель занесетъ наши слѣды. Я взялъ бумажку и въ продолженіе всего пути тщательно отмѣчалъ на ней, по компасу и часамъ, каждое направленіе и время, какое мы по нему шли. Такимъ образомъ у меня составлялся походный планъ, одинъ изъ тѣхъ, по какимъ я и раньше въ своей жизни не разъ разыскивалъ намѣченныя мною мѣста въ лѣсныхъ чащахъ. Мы шли въ полутьмѣ зимняго разсвѣта по ихъ прежнему слѣду, то вскакивая на кочки, то проваливаясь сквозь снѣгъ въ воду болотъ, то продираясь сквозь чащу вѣтвей. Это была не дорога, а какое-то непрерывное гимнастическое упражненіе. Наконецъ, минутъ черезъ сорокъ мы нашли, на снѣгу встрѣченный ими еще вчера слѣдъ охотника. Мы отправились по нему, какъ было рѣшено, въ противоположную, чѣмъ они наканунѣ, сторону и шли по этому слѣду безъ конца, версту за верстой, подобно слѣдопытамъ изъ американскихъ охотничьихъ разсказовъ. Невольно казалось, что это былъ какой-то необыкновенный, нигдѣ некончающійся слѣдъ. Наконецъ, уже верстъ за семь отъ нашего шара, когда мы шли часа три, онъ соединился со слѣдомъ другого охотника, и мы почти тотчасъ же увидѣли на рыхломъ лѣсномъ снѣгу, что къ этому мѣсту подъѣзжали санки. Видно было, что они пріѣхали и уѣхали обратно.

— Очевидно, еще далеко до жилья,—сказалъ я.—На саняхъ никто не поѣдетъ на короткое разстояніе. Можетъ быть, придется итти верстъ семь, но все же санный слѣдъ лучше, чѣмъ слѣдъ пѣшехода.

Гебауеръ утѣшалъ меня тѣмъ, что если это были привилегированные охотники, то, щадя свои ноги, они могли ѣхать даже и при небольшомъ пространствѣ.

— Вѣрно, гдѣ-нибудь поблизости находится охотничій домикъ,—сказалъ онъ.

Мы пошли по санному слѣду и увидѣли, какъ его пересѣкъ другой, принадлежащій дровянымъ санямъ, но мы предпочли итти по первому.

— Деревня направо!—воскликнулъ вдругъ Фритцъ, показывая на просвѣтъ, открывшійся въ лѣсу.

Я пробѣжалъ сквозь чащу и увидѣлъ берегъ рѣки. Вдали на немъ была большая деревня верстахъ въ полутора отъ насъ.

На душѣ у насъ всѣхъ сразу стало свѣтло и ясно! Теперь кончены всѣ невзгоды, болѣе не увязнемъ въ болотахъ и не отморозимъ себѣ ногъ!

Но только черезъ часъ добрались мы до деревни, такъ какъ итти пришлось снова безъ дорогъ, и притомъ деревня оказалась на противоположной сторонѣ рѣки, черезъ которую надо было перебираться по брошенному съ берега на берегъ шатающемуся бревну.

Это оказалась деревня Вересь, живущая почти исключительно дровянымъ промысломъ въ окружающихъ ее нескончаемыхъ казенныхъ лѣсахъ. Она была ближайшая къ мѣсту спуска нашего аэростата за восемь верстъ оттуда, и если бы мы пошли другимъ путемъ, то намъ, можетъ быть, пришлось бы итти верстъ тридцать по полузамерзшимъ болотамъ, прежде чѣмъ мы попали бы въ жилое мѣсто.

Обрадованные, мы вошли въ избу къ одному крестьянину, который насъ принялъ очень радушно.

Скоро закипѣлъ на столѣ самоваръ, намъ сварили яйца и подогрѣли мою еще не тронутую курицу, послѣдній остатокъ припасовъ, данныхъ мнѣ Ксаной.

— Вотъ курица,—шутилъ Фритцъ,—которая была исключительной въ своемъ родѣ. Кто бы могъ подумать, что она будетъ летать за облаками?

Мы всѣ смѣялись. Легко бываетъ на душѣ, когда всѣ заботы и тревоги остались позади!

Извѣстіе, что мы спустились на воздушномъ шарѣ, тотчасъ же пронеслось по деревнѣ и вызвало тамъ необыкновенную сенсацію. Чуть не всѣ обитатели поочередно забѣгали въ избу, чтобъ посмотрѣть на насъ хоть однимъ глазомъ, но хозяева безъ церемоніи гнали ихъ прочь, хотя и безуспѣшно.

— Летуны прилетѣли!—слышался шопотъ въ толпѣ у дверей.

Никакого недовѣрія не было. Всѣ уже знали, что теперь летаютъ...

Три дѣвочки, проникшія по какой-то особой протекціи въ противоположный отъ насъ уголъ избы, особенно глазѣли на насъ и комментировали шопотомъ каждое наше слово:

— На облакахъ катались! — тихо говорила одна изъ нихъ другой, услышавъ въ нашемъ разговорѣ, какъ шаръ нашъ поплылъ по тучамъ и долго не могъ спуститься.

— На солнышко на небѣ хотѣли близко посмотрѣть!—шептала другая, услышавъ, какъ мы пытались пробиться сквозь тучи на солнечный свѣтъ.

Гебауеръ поручилъ одному изъ родственниковъ нашего хозяина собрать тридцать пять человѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ, по полутора рубля каждому, чтобъ итти съ нами и вынести изъ лѣса шаръ. Но желающихъ оказалось болѣе, чѣмъ нужно. Каждый хотѣлъ попасть въ лѣсъ и увидѣть небывалое у нихъ зрѣлище аэростата, запутавшагося между деревьями.

Черезъ часъ мы уже шли съ ними длинной вереницей снова по нашему старому слѣду, а къ наступленію сумерокъ, снявъ шаръ съ сосенъ, возвращались въ деревню. Это было необыкновенное шествіе. Помимо отдѣльныхъ лицъ и группъ, тащившихъ корзину и небольшія вещи, особенно оригинальна была группа изъ шестнадцати человѣкъ, несшихъ на плечахъ нашъ свернутый въ трубку аэростатъ. Словно проносили въ лѣсу между деревьями какую-то гигантскую желтую извивающуюся змѣю. Какъ жаль, что мы не захватили съ собой фотографическаго аппарата, чтобы снять эту вереницу!

Но все на свѣтѣ кончается. Кончилось и это памятное намъ всѣмъ воздушное и лѣсное путешествіе... Упаковавъ аэростатъ въ деревнѣ на саняхъ, мы возвратились въ избу и были въ этотъ вечеръ еще приглашены мѣстными *барышнями* и *кавалерами*, какъ называетъ себя теперь вся великорусская деревенская молодежь, на ихъ вечеринку. Мы слушали ихъ пѣсни, смотрѣли танцы и, возвратившись снова къ своимъ временнымъ хозяевамъ, крѣпко уснули на принесенныхъ намъ перинахъ до трехъ часовъ ночи, и, наконецъ, черезъ два дня послѣ своего отлета, пріѣхали на станцію Дивенскую въ двадцати восьми верстахъ отъ нашей затерявшейся среди лѣсовъ деревни.

Только тутъ могли мы, наконецъ, послать телеграммы о благополучномъ спускѣ своимъ обезпокоеннымъ родственникамъ.

Припоминая теперь въ своемъ покойномъ кабинетѣ Біологической Лабораторіи всѣ событія этого своего перваго путешествія на воздушномъ шарѣ, я не могу удержаться, чтобъ не отмѣтить поразительной разницы въ полетахъ на аэростатахъ и на аэропланахъ. На аэропланѣ вы летите, какъ въ вихрѣ, пропеллеръ жужжитъ и трещитъ за вашей

спиной, вѣтеръ отъ него и отъ вашего собственнаго стремительнаго полета свиститъ около ушей и рветъ съ васъ шапку и платье. Вы чувствуете, что ваша жизнь находится цѣликомъ въ рукѣ пилота, держащей руль. Выпусти онъ этотъ руль на одну минуту, растеряйся, пошатнись, и все пойдетъ кувыркомъ... На свободномъ воздушномъ шарѣ совсѣмъ наоборотъ. Васъ окружаетъ полная тишина, хотя бы быстро несущаяся подъ вами земля и показывала, что вы летите надъ ней на крыльяхъ бури. Вы чувствуете, что человѣкъ здѣсь отдался цѣликомъ на волю стихіи и тонкой оболочки своего аэростата.

На аэропланѣ некогда сосредоточиваться на мелькающихъ подробностяхъ ландшафта,—на аэростатѣ все располагаетъ къ созерцанію. Земная поверхность, ставшая вамъ чуждой, начинаетъ казаться лишь гаванью, къ которой только рано или поздно придется вамъ пристать...

Аэростатъ до сихъ поръ представляетъ какъ бы первобытное парусное судно, и для полета на немъ приходится, какъ у берега моря въ былые дни, подолгу ждать попутнаго вѣтра, но ни на какомъ другомъ изъ современныхъ летательныхъ снарядовъ не улетите вы такъ высоко и такъ далеко...

Николай Морозовъ.